

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

Жизнь
Шарлотты Бронте

Москва

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)
Г22

Elizabeth Gaskell
THE LIFE OF CHARLOTTE BRONTË

Перевод с английского *Марии Рубинс*

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Гаскелл, Элизабет.

Г22 Жизнь Шарлотты Бронте / Элизабет Гаскелл ; [перевод с английского М. Рубинс]. — Москва : Эксмо, 2026. — 576 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-229848-6

Жизнеописание Шарлотты Бронте стало не только одной из самых популярных книг, но и вызвало немалые споры, обвинения и даже судебные процессы. Биография, написанная по горячим следам известной писательницей и подругой Бронте — Элизабетой Гаскелл (1810–1865), внесла немалую лепту в сохранение памяти и формирование культа автора романа «Джейн Эйр».

Предлагаемый читателю перевод представляет собой второе, исправленное русское издание и основывается на полном первом английском издании «Жизни Шарлотты Бронте».

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)

© Рубинс М.О., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229848-6

Предисловие

Жизнь, культ, миф:

Элизабет Гаскелл —

биограф Шарлотты Бронте

В свое время Д. Г. Лоуренс, автор скандально известного бестселлера «Любовник леди Чаттерлей», так отреагировал на произведения Василия Розанова: «Русские всегда на смертном одре». Возможно, трезвому и рациональному британскому уму фиксация на смерти, столь характерная для русской культуры, показалась несколько гротескной. Сам Лоуренс, напротив, утверждал животворящее начало, пытаясь нащупать пути выхода из мертвящей механистической цивилизации к подлинной жизни в гармонии с космическими вибрациями. Однако, если мы обратимся к истории английской литературы, мы обнаружим ничуть не менее осязаемое присутствие смерти. Для этого достаточно лишь вспомнить о семействе Бронте, не только творчество, но и вся жизнь которого пронизана едва ли не непрерывной агонией. Шарлотта, ее сестры и брат творили буквально «на смертном одре». Испытания, выпавшие на долю этой семьи, кажутся настолько чрезмерными, как будто над ней тяготел неумолимый, известный лишь греческой трагедии рок. Потеряв мать, когда ей было всего шесть лет, Шарлотта пережила четырех сестер и брата, проведя большую часть жизни в трауре и в уходе за смертельно больными членами семьи, и сама скончалась в возрасте тридцати восьми лет, через девять месяцев после свадьбы, и, по всей видимости, вместе со своим так и не увидевшим свет

ребенком. Впрочем, Шарлотту Бронте можно было бы считать едва ли не долгожителем, ведь средняя продолжительность жизни в ее деревне Хауорт была в то время около двадцати шести лет.

Если учесть, что родилась она в небогатой и ничем не примечательной семье провинциального пастора и провела почти всю жизнь в глухой, затерянной посреди болот деревеньке, то всплеск творческой энергии и внезапная всемирная слава, посетившая ее после публикации первого же романа, покажутся почти чудом. В последние годы своей недолгой жизни эта болезненно застенчивая, комплексующая из-за своей непривлекательной наружности, угловатая провинциалка будет беседовать на равных с самыми знаменитыми писателями своего времени, высказывать нелюбимые мнения всеобщему миру Теккерею и сдержанно отклонять многочисленные приглашения в элитарные лондонские гостиные. Шарлотта опубликовала при жизни лишь три романа, хотя последовавшие за «Джейн Эйр» «Шерли» и «Городок» так и не смогли превзойти или хотя бы сравняться с первым по популярности. Отношения Шарлотты с ее издателем Джорджем Смитом становились все более натянутыми, и ей потребовалась специальная поездка в Лондон, чтобы уговорить его не отказываться от планов публикации «Городка». Когда посмертно вышел в свет ее ранний роман «Учитель», публика оказалась скорее разочарована, а критики сочли его лишь незрелым черновым вариантом третьего романа. Трудно предположить, как развивалась бы посмертная литературная судьба Шарлотты Бронте, особенно учитывая необычайный расцвет викторианского романа в середине и во второй половине XIX века, если бы вскоре не появилось ее жизнеописание, ставшее не только одной из самых популярных книг, но и вызвавшее немалые споры, обвинения и даже судебные процессы. Вряд ли будет преувеличением предположить, что биография, написанная по горячим следам известной писательницей, современницей и подругой Шарлотты Элизабет Гаскелл (1810–1865), внесла

немалую лепту в сохранение памяти и формирование культа Бронте.

Идея биографии возникла совершенно спонтанно. Вскоре после смерти Шарлотты 31 марта 1855 года в «Шарпс Лондон Магазин» появилась статья о писательнице, автор которой отзывался о ней не слишком лестно и искажал некоторые факты ее жизни. Это не ушло от внимания ее ближайшей подруги Эллен Насси (1817—1897), и в письме мужу и отцу Шарлотты она высказала мнение, что следовало бы опубликовать опровержение, а заодно и познакомить публику с достоверной информацией о писательнице. В качестве будущего биографа Эллен Насси предлагала кандидатуру Элизабет Гаскелл. Муж Шарлотты, Артур Белл Николлс (1819—1906), счел статью достаточно безобидной и не стоящей опровержения, однако отец Шарлотты поддержал инициативу Эллен и 16 июня сам написал Гаскелл, предлагая ей составить «краткий обзор» жизни и творчества его дочери.

Гаскелл познакомилась с Шарлоттой в доме общих знакомых, сэра Джеймса и леди Кей-Шаттлворт, за пять лет до этого, между ними сразу возникла взаимная симпатия, они регулярно переписывались и изредка наносили друг другу визиты. Поэтому она с энтузиазмом откликнулась на предложение Патрика Бронте (1777—1861) и уже 23 июля прибыла в Хаурт в сопровождении своей приятельницы. По ее словам, это посещение было крайне тяжелым: «и господин Бронте и господин Николлс горько рыдали...» Близкие и друзья Шарлотты предоставили ей сотни писем, кроме этого, она посетила ряд ее знакомых в поисках других необходимых сведений, добравшись даже до Брюсселя. В результате в самые рекордные сроки вместо «краткого обзора» Гаскелл написала монументальную биографию в двух томах. Опубликовать ее взялся лондонский издатель Бронте Джордж Смит. Он же уговорил Артура Николлса дать разрешение на публикацию — у последнего начали зарождаться сомнения по поводу целесообразности столь подробного описания жизни его жены, чьи

литературные занятия и широкая известность смущали его еще при ее жизни. Помимо этого, он не ожидал, что Гаскелл будет столь подробно цитировать предоставленную ей переписку.

«Жизнь Шарлотты Бронте» вышла в свет 27 марта 1857, когда Элизабет Гаскелл отдыхала в Италии. Книга была быстро распродана, и вскоре было подготовлено второе издание. Однако одновременно с успехом автора биографии поджидали обвинения в клевете. Во-первых, родственники В. К. Вилсона сочли ложными описания антисанитарных условий и бесчеловечного обращения в созданной и управляемой им школе Кован-Бриджа. Гаскелл в данном случае полностью приняла точку зрения Шарлотты, чьи детские воспоминания об этой школе были эмоционально окрашены в первую очередь в связи с тем, что две ее сестры, Мария и Элизабет, заболели во время обучения там и вскоре скончались. Именно школа Кован-Бриджа была описана в романе «Джейн Эйр» как Ловуд, а прототипом ее директора Брокльхерста послужил именно Вилсон. Однако если писатель и мог допустить некоторую субъективность оценок в художественном произведении, биографу такая вольность не позволялась. Во-вторых, угроза судебного расследования поступила и со стороны леди Скотт, бывшей Лидии Робинсон, которая, по версии Гаскелл, соблазнила брата Шарлотты Бренуэлла, работавшего гувернером ее детей, а затем отреклась от него, дабы не лишиться наследства по завещанию ее мужа. Это, по убеждению Гаскелл, и привело Бренуэлла к ранней трагической гибели. В-третьих, хотя и не угрожая Гаскелл судом, свое неудовольствие выразил и отец Шарлотты, которого особенно возмутили намеки на его вспыльчивый характер и на то, что он якобы лишал своих маленьких детей мясной пищи. К счастью, дело быстро уладили Джордж Смит и супруг Элизабет Гаскелл, преподобный Вильям Гаскелл, служивший священником Унитарной церкви в Манчестере. Судебных расследований удалось избежать; публичные извинения леди Скотт от имени автора биографии

принес в «Таймсе» Вильям Гаскелл. Смит согласился изъять из продажи второе издание книги, а 22 августа 1857 года появилось третье исправленное издание, в котором главы 4 и 13 первого тома были существенно переработаны, и изменения также были внесены еще в целый ряд эпизодов. Оно и стало на долгие годы стандартным текстом, хотя и не вполне соответствующим изначальным намерениям биографа. Предлагаемый читателю русский перевод основывается на полном первом издании «Жизни Шарлотты Бронте».

Скандал вокруг биографии, как обычно и бывает в подобных случаях, пробудил еще больший интерес читателей как к тексту, так и к персонажу Бронте. А Элизабет Гаскелл вошла в историю английской литературы в первую очередь как автор «Жизни Шарлотты Бронте», хотя она написала многочисленные романы и повести, в свое время весьма популярные, но затем почти забытые. Жизнеописание Бронте до сих пор считается одним из высших достижений биографического жанра, по крайней мере, для англоязычной традиции. Это связано с целым рядом факторов. Гаскелл писала эту книгу так, как писала свою художественную прозу, уделяя особое внимание созданию социально-исторического фона, подробному описанию нравов, характеров, образа жизни людей определенной эпохи. Ей удалось выразить особенности йоркширского духа, указать на истоки изоляционистской ментальности жителей этой отгороженной от окружающего мира грядями холмов местности, обнаружить отзывчивость и простодушие за их внешней грубоватой неприветливостью, забавно передать их неповторимый диалект. Современникам Гаскелл любопытно было узнать о том, что в их быстро модернизирующемся королевстве, в котором индустриальная революция, ускоренный рост городов и энергичное строительство железных дорог повлекли за собой активные миграционные процессы и неизбежное стирание региональных различий, все еще существуют столь самобытные и малодоступные уголки. На фоне этой широкой панорамы, воссозданной в первых главах биогра-

фии, психологический портрет Бронте кажется более убедительным. Такие приемы в середине XIX века еще не потеряли своей оригинальности, если учесть, что до этого биографы скорее стремились запечатлеть образ исключительного, возвышающегося над толпой героя, чем показать, как нечто великое и оригинальное может выйти из вполне заурядной среды.

Уже в первом своем романе, «Мэри Бартон» (1848), Гаскелл заявила о себе как о писателе, сосредоточенном на серьезной социальной проблематике, обратившись к тяжкому положению манчестерских рабочих, более того, явно выразив свою солидарность с рабочими, а не с фабрикантами. (Неудивительно, что Карл Маркс впоследствии отнес ее к «блестящей плеяде английских романистов».) Наряду с другими писателями она способствовала трансформации английского романа из развлекательного в серьезный жанр, призывавший к размышлениям об устройстве мира. С другой стороны, часть произведений Гаскелл посвящены поэтическому воссозданию провинциального, уходящего в прошлое уклада, что особенно полно отразилось в «Крэнфорде» (1853). Наконец, немалое значение имел и ее интерес к специфически женскому опыту, проблемам и переживаниям. В романе «Руфь» (1853), например, Гаскелл обращается к критике отношения общества к «падшей женщине», а в последнем, незавершенном романе «Жены и дочери» (1864–1866) продолжает исследовать разные типы женских судеб и характеров. Все эти навыки — понимание тонкостей женской души, умение дать точную психологическую характеристику персонажа, способность уловить динамику социальных процессов, интерес к провинциальному образу жизни — наряду с близким знакомством с Шарлоттой Бронте и доступностью сотен писем и свидетельств способствовали успеху биографии. Оригинальный подход Гаскелл также отразился в том, что на протяжении почти всей книги мы слышим голос самой Шарлотты, а за собой автор оставляет лишь скромную роль комментатора ее переписки, восстанавливающего хронологию событий и вос-

создающего исторический, этнографический и культурный контекст.

Тон автора не оставляет сомнений в ее глубокой симпатии к своему персонажу. Симпатия эта, возможно, была основана на осознании многочисленных параллелей в их судьбах. Обе были дочерьми и женами священников, обе выросли в английской провинции, обе рано лишились матерей, к обеим известность пришла после публикации первой же книги. Приведенная в биографии переписка с Бронте самой Гаскелл свидетельствует о том, что они во многом придерживались сходных взглядов на современное общество и культуру и имели общие литературные вкусы. Обе внесли вклад в развитие романа Викторианской эпохи и, придерживаясь консервативных религиозно-моральных принципов, тем не менее отстаивали право женщин на творчество и самореализацию вне круга традиционных семейных обязанностей. Отличия же заключались в том, что Элизабет Гаскелл состоялась также как жена и мать многочисленного семейства (она вырастила четырех дочерей, потеряв сына в раннем возрасте — именно после этой трагедии муж уговорил ее обратиться к литературному творчеству, результатом чего и стал ее первый роман). Если Шарлотта по натуре была затворницей, то Гаскелл часто проводила время в светском обществе и путешествиях. Но главное, что в конечном счете определило гораздо более высокое положение Бронте в иерархии английских писателей XIX века, — в отличие от Гаскелл она всегда отстаивала приоритет воображения и придавала актуальным социальным вопросам общечеловеческое и вневременное звучание.

Какой же образ Шарлотты создан на страницах этой биографии? Трудно не заметить, что Гаскелл вновь и вновь подчеркивает разнообразные добродетели Бронте, ее глубокую религиозность, скромность, требовательность к себе, приоритет дочернего и семейного долга над стремлениями к личной свободе. Эта жертвенность, вкупе с постоянными физическими и душевными терзаниями, превращает Бронте едва

ли не в хрестоматийную христианскую мученицу. Именно так пыталась представить свою подругу Эллен Насси, чьи письма и рассказы были для Гаскелл основным источником информации. Шарлотта училась с Эллен в пансионе мисс Маргарэт Вулер, и они на всю жизнь сохранили близкие отношения. Семья Насси жила недалеко от Хауорта, и Шарлотта с детства периодически гостила у них, хорошо знала всех членов семьи, а в марте 1839 года даже получила предложение от брата Эллен. Генри Насси служил викарием в Сассексе и аргументировал свои матримониальные чаяния в письме к своей избраннице необходимостью для него как священника «со временем обзавестись женой, которая заботилась бы о его учениках». (Это было одним из трех предложений руки и сердца, отклоненных Шарлоттой, о которых упоминает Гаскелл.) Шарлотта, впрочем, с детства утверждала, что замужество не входит в ее жизненные планы. Эллен Насси, которая сама так и не вышла замуж, вначале не одобряла ее неожиданную помолвку с Артуром, затем девушки помирились благодаря посредничеству мисс Вулер, и Эллен присутствовала на свадьбе в качестве подружки невесты. Последний раз они виделись в Хауорте в сентябре 1854 года. Месяц спустя муж Шарлотты неодобрительно отозвался об их якобы слишком вольной переписке. Эллен пообещала уничтожить письма Шарлотты, но не выполнила своего обещания. Когда Элизабет Гаскелл согласилась написать биографию Бронте, именно Артур Николлс посоветовал ей обратиться к Эллен. В результате в распоряжении Гаскелл оказалось около трехсот писем Шарлотты. Сама Насси посвятила всю последующую жизнь сохранению памяти о своей знаменитой подруге, она сотрудничала также с другими биографами и даже писала заметки о семье Бронте. В конце жизни письма Шарлотты приобрел у нее обманным путем Томас Вайз, заверив ее, что передаст их в Британский музей или в музей Виктории и Альберта, однако вместо этого они были просто выгодно проданы.

Кроме Эллен Насси, в письмах Шарлотты часто идет речь о ее второй подруге детства — Мэри Тейлор (1817—1893). Она была гораздо более независимой и темпераментной, чем довольно заурядная и ограниченная Эллен. Мэри выступала за женскую эмансипацию и писала статьи феминистского содержания. Вслед за своим братом она направилась в Новую Зеландию, где вначале поддерживала себя уроками, а затем основала магазин в Веллингтоне и занялась сельским хозяйством. Со временем она также передала Элизабет Гаскелл письма Шарлотты, которые вошли в последующие издания книги.

Несмотря на столь обширный документальный материал, Гаскелл не считала нужным вдаваться в некоторые более интимные подробности жизни своей подруги, и в этом она оставалась верной как памяти Шарлотты, так и пуританскому духу Викторианской эпохи. Испытываемая ею неловкость очевидна уже в последних главах книги, где она описывает историю отношений Шарлотты с ее будущим мужем. О былых же ее влюбленностях она вообще не упоминает. Самым существенным сознательным пробелом, без знания которого трудно до конца понять истоки затяжной депрессии Бронте после возвращения из Бельгии в 1844 году, была ее безнадежная любовь к господину Эже.

Константин Жорж Ромен Эже (1809—1896) преподавал в брюссельской школе для мальчиков Атене Роял, а также давал уроки французской литературы в пансионе для девочек, принадлежавшем его супруге Клэр-Зое Эже (в девичестве Паран, 1804—1890). Именно он и стал учителем Шарлотты и Эмили, когда они прибыли в пансион госпожи Эже для совершенствования своего образования. Константин Эже стал прототипом Вильяма Кримсворта в романе Бронте «Учитель», а также персонажей других ее произведений. Он, бесспорно, был незаурядной личностью, вполне способной покориť сердце романтически настроенной английской барышни. Сын разорившегося ювелира, в юности он провел какое-то

время в Париже, подумывая о карьере юриста, но в 1829 году вернулся в Брюссель, где через год принял участие в революции и даже сражался на баррикадах. Его первая жена и ребенок умерли в 1833 году, после чего он начал давать уроки в пансионе Клэр-Зои Паран и женился на ней в 1836 году. За последующие десять лет у них родилось десять детей, и по всем признакам брак был вполне счастливым. Влюбленность Шарлотты в ее учителя была настолько очевидна всем окружающим, что именно этим и можно объяснить заметное охлаждение в ее отношениях с директрисой в течение второго года ее пребывания в пансионе, когда Шарлотта не только продолжала свое обучение, но и преподавала английский язык. Попытка Гаскелл отнести это за счет принципиальных религиозных разногласий между яркой католичкой Клэр-Зоей Эже и убежденной протестанткой Шарлоттой Бронте выглядит не слишком убедительно. В период сбора материалов для биографии Гаскелл посетила супругов Эже. Они поделились с ней воспоминаниями о Шарлотте и показали ей ее страстные письма, которые она писала господину Эже после возвращения в Англию вплоть до ноября 1845 года. Мадам Эже нашла обрывки этих писем в мусорной корзине, тщательно склеила их и сохранила, скорее всего, для того, чтобы доказать невиновность своего мужа, если кто-нибудь попытается инсинуировать адюльтер, тем самым грозя повредить как его учительской репутации, так и репутации ее заведения в целом. Письма эти позднее были переданы их сыном Полем в Британский музей, а опубликованы впервые они были лишь в 1913 году. Гаскелл цитирует из этой переписки чрезвычайно сдержанно, чтобы не допустить и намека на подлинные чувства Шарлотты, а ее подавленное состояние, допуская явный анахронизм, объясняет переживаниями, связанными с Бренуэллом.

Другой романтический интерес Шарлотты, который трудно заподозрить, читая биографию, — это ее влюбленность в своего издателя Джорджа Смита, энергичного молодого предпринимателя, искушенного в мире литературного бо-

монда. Смит с матерью гостеприимно раскрывали перед Шарлоттой двери своего дома во время ее визитов в столицу, возили осматривать лондонские достопримечательности, знакомили с писателями, сопровождали в театр. Она находила у них уютное убежище, отдыхая после погружения в непривычный для нее вихрь лондонских развлечений. Джордж был моложе Шарлотты на восемь лет, и этот возрастной разрыв в сочетании с «отсутствием каких бы то ни было претензий на привлекательность» с ее стороны не способствовал взаимности. Как говорил позднее сам Смит: «Я никогда не мог полюбить женщину, у которой не было бы некоего шарма или изящества, а Шарлотта Бронте не обладала ни тем ни другим... Но мне кажется, что моя мама одно время была довольно-таки встревожена». Тем не менее Шарлотте удалось завоевать сердце менеджера компании «Смит и Элдер» Джеймса Тейлора, однако он оставил ее равнодушной, так как, с ее точки зрения, ему не хватало изысканности манер и интеллекта.

Шарлотта вступила в брак с Артуром Николлсом в позднем, по представлениям того времени, возрасте. При всей немногословности Гаскелл дает понять читателю, что со стороны Шарлотты это замужество не воспринималось как романтический союз. Артур, как и отец Шарлотты, был выходцем из небогатой фермерской семьи Северной Ирландии. Он учился в Тринити-колледж, самом известном университете Ирландии, основанном в конце XVI века по повелению Елизаветы I для обучения протестантов. По окончании университета он получил место викария в приходе отца Шарлотты в Хаурте. Долгие годы он наблюдал за ней со стороны, не решаясь высказать своих чувств. Когда же он набрался решимости для того, чтобы сделать ей предложение, между ними возникло неожиданное препятствие в виде сопротивления Патрика Бронте. Этот пастор и отец шестерых детей, оказываясь, был в принципе против брака и семьи и какое-то время эгоистично пытался удержать от этого шага своего последнего из оставшихся в живых детей. Его недалёковидность вскоре